

Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений

ГУСЕЛЬЦЕВА М.С. ИЗУЧЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ:
МЕТОДОЛОГИЯ ЛАТЕНТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

English version: [Guseltseva M.S. The study of identity in the context of culture: the methodology of latent changes](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

Федеральный институт развития образования, Москва, Россия

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Несмотря на тот факт, что текущие изменения идентичности совершаются буквально на наших глазах, не все очевидные процессы являются для исследователя значимыми, в то время как далеко не все значимые процессы очевидны. Методология латентных изменений стремится проследить скрытые от глаз наблюдателя подводные течения и движения культуры, которые в дальнейшем развитии с высокой долей вероятности способны выступить предпосылками уже явно наблюдаемых перемен. Наряду со стандартными исследовательскими методами, такими как наблюдение, тестирование, опросы и интервью, важную роль в изучении идентичности играют косвенные приемы – осмысление опыта смежных наук (прежде всего социологии, этнографии, антропологии), а также анализ эпистемологических поворотов, философских поисков, новых движений искусства. Наблюдающийся в эволюции современного познания трансдисциплинарный поворот ведет к расширению познавательного поля психологической науки. В этом контексте этнографический метод, распространившийся с изучения традиционных культур на феноменологию современного общества, становится общенаучным инструментом анализа в области социогуманитарного познания. На протяжении XX в. происходило очевидное для ретроспективного взгляда изменение фокусирующей силы категории культуры. В результате эпистемологического поворота произошел переход от рассмотрения культуры в качестве фактора социальной жизни наряду с наукой, религией, философией к пониманию культуры, с одной стороны, как сложной системы и универсального контекста человеческого бытия, а с другой – ее неоднородности и необходимости дифференциации подсистем. Метод мышления посредством антиномий позволяет сегодня осмысливать эти разнонаправленные потоки как части единого процесса, в котором культура становится глобальной и усиливает в научном дискурсе позиции всеобъемлющей абстракции, одновременно культура становится локальной и распадается на множество субкультур и различных течений. Обозреть в едином мыслительном пространстве эту сложную и транзитивную реальность помогают разные режимы видимости – методологические оптики и фокусировки исследовательского взгляда.

Ключевые слова: методология, идентичность, культура, субкультура, транзитивное общество, социокультурная динамика, латентные тенденции

Изучение идентичности в современном транзитивном обществе фундировано комплексом произошедших изменений, которые вольно или невольно выступают методологическими предпосылками текущих исследований, однако не всегда очевидны и тем более сформулированы. Прежде всего здесь следовало бы отметить возросшую роль анализа культуры в целом и разнообразия локальных и изменчивых культуральных контекстов в частности. Если прежде культура в психологии рассматривалась в качестве фактора, воздействующего на те или иные психические процессы, то сегодня это не просто непрерывный сопутствующий контекст трансформирующейся идентичности, «среда, растящая и питающая личность» (по меткому определению П.А.Флоренского), но и сама основа изменений как психики, так и человеческой жизни в целом. Практически консенсусным сделалось представление, что в повседневном мире человека ничто не существует вне и помимо культуры. Таким образом, культура из самоочевидного, а потому парадоксальным образом невидимого фактора, воздействующего на становление идентичности [1], сделалась ключевым исследовательским фокусом [Анолли, 2016; Харрисон, Хантингтон, 2002; и др.]. Следующим логичным ходом такого движения мысли стало обнаружение множества разнообразных контекстов и подсистем (субкультур) внутри культуры, откуда потянулись уже новые исследовательские нити к изучению изменений идентичности.

Идентичность является сегодня как трансдисциплинарным понятием, наводящим мосты между психологией и смежными областями социогуманитарного знания, так и термином, интегрирующим знание внутри психологии, включая феноменологию личного, социального, культурного и индивидуального поведения. Однако чем ближе психологическая наука соприкасается с вторжением в ее дисциплинарное пространство разных исследовательских стратегий и конструктов из сферы социогуманитарного знания, тем труднее ей удерживать фокусировки собственной исследовательской задачи. Именно в этой связи трансдисциплинарное размывание познавательных полей побуждает к дополнительному анализу как исходных методологических предпосылок исследования, так и используемой терминологии. Не исключение здесь и такие, казалось бы, общеизвестные и десятилетиями работающие в психологии понятия, как «идентичность», «культура» и «субкультура». Представляется важным переосмыслить их именно в контексте методологии латентных изменений.

Идентичность, культура и субкультура: динамика латентных изменений

Культуральное воздействие на становление идентичности проявляется на трех основных уровнях: *универсальном* (человечество, общечеловеческие ценности, цивилизационное развитие); *макросоциальном* (социальные группы и сообщества, принятые в них нормы и ценности); *персональном* (человек, его личные предпочтения, индивидуальность и субъективность). На персональном уровне субъект является творцом своей собственной культуры, получившей название *идиокультура*. Это окружающая человека «культуральная оболочка», она выступает посредником между ним и миром, преобразует его восприятия и интерпретации, будучи основанной на «энциклопедии знаний и убеждений человека, на истории его когнитивного, эмоционального и социального опыта», а также сети его коммуникаций [Анолли, 2016, с. 419]. Под психологическим углом зрения формирование идиокультуры и является становлением *персональной идентичности*.

Сама по себе идиокультура есть динамичное образование. В процессе взаимодействия и столкновения с другими людьми постепенно видоизменяются и нарастают новые слои культуральных оболочек: так, формируется *социальная идентичность*, содержащая разнообразие культуральных практик, как сознательно переработанных, так и неосознаваемых субъектом. «Мы смотрим на мир через интерпретативные "очки" культуры, не видя при этом самих очков, а поэтому вещи кажутся нам "естественными"» [Анолли, 2016, с. 193]. Феноменология противоречивого сознания, самопредставления и мировосприятия является для человеческого бытия скорее

правилом, нежели исключением. Идентичность современного человека *мультикультуральна*. Однако разные культуральные модели вне специфического вызова ситуаций склонны оставаться латентными и спящими.

На уровне сообществ и социальных групп развивается специфическая коммуникативная среда, которую в современной психологии культуры определяют в качестве *локальной культуры* или *микрокультуры*. Социальная идентичность, рассматриваемая в ракурсе принадлежности к группе, предполагает схожий опыт, включающий общие переживания, знания, ценности, убеждения и жизненные практики. Такого рода локальные культуры и социальные группы легко растворяются в социуме, не попадая в режимы видимости исследователей по причине избегания сложившихся категоризаций классов, сословий, профессий, конфессий. В наши дни это могут быть защитники местного парка, «обманутые вкладчики», волонтерские и культуртрегерские движения и т.п. В социальном пространстве «многочисленность и разнообразие групп приводят к заметным и устойчивым различиям, которые связаны с множеством разных условий жизни» [Анолли, 2016, с. 420].

Макрокультура (глобальная культура) охватывает совокупность процессов, которые, распространяясь, объединяют все человечество. Такие процессы лучше всего исследованы в ракурсе становления цивилизации: это глобальные изменения, связанные с освоением огня и domestikацией, изобретением печатного станка или охватом земного шара паутиной интернета; они также содержат современные транснациональные и транскультуральные тенденции. На этом уровне происходит формирование *планетарной идентичности*, более свойственной приходящим на историческую сцену новым поколениям, которые осмысливают себя в масштабе человечества, разделяют постматериалистические ценности, озабочены экологическими проблемами, ориентированы на сотрудничество (а не конфликт), предпочитают в коммуникации стратегии договора и «мягкой силы» (а не насилия) [Анолли, 2016; Инглхарт, 2018; Пинкер, 2018].

Во второй половине XX в. в научном дискурсе произошла дифференциация «социального» и «культурного»; ведущие антропологи, среди них А.Кребер, Л.Уайт, М.Херсковиц, «стали рассматривать общество и культуру как явления разного порядка: общество – это социальная организация живущих вместе индивидов, а культура – это их уникальный способ жизни. Культура и общество оказались взаимосвязаны, но не как часть и целое, а как форма и содержание: общество – это форма жизни индивидов, наполняемая содержанием в виде культуры как определенного способа жизни, присущего именно данному обществу» [Микитинец, Микитинец, 2014, с. 113]. В ходе этого процесса – дифференцирующего одни аспекты реальности и интегрирующего другие – возникло также понятие «социокультурная система», обозначающее теперь единство социальных и культурных аспектов при изучении человека и его жизненного мира.

Именно в этом процессе рефлексивной дифференциации, на пересечении социального и культурного измерений изучения человека зарождались и представления о субкультуре. «Культура представляет собой достаточно сложный феномен, охватывающий науку, религию, язык, общество и т.п., который в полной мере отражает ведущие тенденции соответствующей этой культуре эпохи. Что касается субкультур, то они могут отличаться от "доминирующей" культуры по одному-двум параметрам, будь то язык или отношение к религии, обществу, государству. Культура – феномен открытый, и процесс межкультурной коммуникации, диалога культур происходит постоянно, в этом ее особенность. Одной же из характерных черт субкультуры является замкнутость, в результате чего она представляет собой достаточно автономную сферу существования своих субъектов» [Микитинец, Микитинец, 2014, с. 113]. Субкультура понималась как культура отдельной социальной группы; особая форма организации культуральной специфики тех или иных меньшинств.

Таким образом, понятие субкультуры сформировалось в связи с осмыслением неоднородности социокультурного пространства и необходимостью дифференцировать различные движения, текущие потоки и изменяющиеся силовые поля в пределах одной и, казалось бы, единой культуры.

Оно было предложено социологом Д.Рисменом для обозначения сообществ, выбирающих оригинальный стиль поведения и образы жизни меньшинства; сознательно отстаивающих в оппозиции официальной культуре собственные ценности; изобретающих новые традиции [Riesman et al., 2001]. Характеризуя субкультуры, Д.Рисмен выделил три типа социального характера (ориентированный-на-традицию, ориентированный-на-себя, ориентированный-на-другого), показав их распределение в отдельных исторических эпохах. Каждому типу социального характера соответствовала своя форма организации общества: традиционное, переходное или подражающее (модернизирующееся). Так, в традиционном обществе социализация детей и молодежи протекала в форме усвоения обычаев и принятого образа жизни. В обществах переходного типа индивидуумы более мобильны и разобщены («атомизированы»), в их социализации прежде всего выражены аспекты интернализации и индивидуализации, важными социальными качествами признаются успех, предприимчивость, поощряется мотивация достижений, инициативность. В обществах подражательного (модернизирующегося) типа существенную роль в процессе социализации играют окружение, коммуникации, информационная среда, средства массовой информации, мода и популярное искусство. Классическим примером общества последнего типа Д.Рисмен считал Америку XX в. [Там же]. Иные предложенные в XX в. модели дифференциации культур тоже так или иначе ориентировались на три эволюционные стадии – аграрное, индустриальное, постиндустриальное (информационное) общество; дофигуративный, конфигуративный, постфигуративный типы культуры; и т.п.

В дальнейшем понятие субкультуры разрабатывалось в работах М.Брэйка, Е.Кэшмо и Д.Хэбдиджа, которые исследовали преимущественно молодежные движения, анализируя их как смысловые системы, задающие определенные жизненные стили и формы самопрезентации. Субкультуры рассматривались авторами в качестве конструктивных средств разрешения социальных и ценностных противоречий, возникавших между меньшинствами и доминирующей культурой. При этом Д.Хэбдидж подчеркивал, что носители субкультур прежде всего характеризуются тем, что придерживаются вкусов и ценностей, не являющихся общепринятыми в данном обществе [Hebdige, 1981]. «Субкультура – понятие, имеющее в основе два латинских слова: *culture* (возделывать, изменять) и *sub* (под, внизу). Понятие "субкультура" переводится как подкультура, некий структурный элемент, отдельная часть культуры как системы. Если культуру можно определить как совокупность духовных и материальных ценностей, а также деятельность человека по их созданию, распространению и хранению, то субкультура – это всегда система норм и ценностей, которые отличают ее представителей от остальных социальных групп. Субкультура всегда возникает как некая альтернатива в противовес попыткам господствующей, официальной культуры унифицировать все жизненное пространство того либо иного общества. С такой позиции культура сама является фундаментом для появления субкультур» [Микитинец, Микитинец, 2014, с. 112].

Субкультуры в научном дискурсе служили феноменологическим выражением процесса усложнения культуры и смены режимов видимости. Более того, в сфере социогуманитарного познания на рубеже XX–XXI вв. формируется понимание, что так называемое *большинство* в социальном пространстве – не только абстрактное понятие, но и неустойчивое образование, поскольку жизнь общества протекает в сложных конфигурациях вертикальных и горизонтальных связей, в нем возникают и рассыпаются ассоциации разного типа летучести и динамичности меньшинств, которые к тому же могут быть консолидируемы по одним основаниям и поляризованы по другим (защитники местного леса, филателисты, спортивные болельщики, больные сахарным диабетом, курильщики, бросившие курить, врачи, стоматологи и т.п.). Менее же отрефлексированным в этом процессе является тот факт, что как социокультурные трансформации, так и изменение режимов их видимости сопровождалось усложнением структуры идентичности, ее общей неустойчивостью и транзитом ценностных ориентаций, не только попадающих в фокусы всемирного исследования ценностей [Гусельцева, 2017], но и ускользающих от него.

Анализ и синтез посредством антиномий

Глобальное усложнение социокультурного пространства сопровождалось тем, что нормы, обычаи, ценности, поведенческие стили и образы жизни отличались разнообразием по всему миру, в то время как некогда отделенные друг от друга условными границами субкультуры были вынуждены смешиваться и поневоле взаимодействовать, что, с одной стороны, служило источником потенциальных конфликтов, а с другой – создавало новые нормы толерантности. Исследователи в этом противоречивом потоке изменений имели возможность сделать фокусом внимания те или иные тенденции, соответственно, обосновывая как повышение, так и снижение уровня конфликтности в современном мире [Пинкер, 2018]. В методологическом же плане контекст, в котором формировалась идентичность, становился едва ли не более информативным, чем биографическое проследивание индивидуальной траектории жизни. Таким образом, культурно-аналитическое осмысление антиномичных трендов и множественной контекстуальности ситуации развития современного человека давали искомую полноту картины лишь в совокупности с микроанализом особенностей его повседневной жизни.

«Наша эпоха – это эпоха неопределенности, риска, индивидуальной и коллективной дезориентации», в которой «существуют противоречащие друг другу стремления» [Анолли, 2016, с. 452]. Со сложным анализом противоречивых и разнонаправленных стремлений эффективнее всего справляется метод мышления посредством антиномий, осуществляющий охват и раскачивание (осцилляцию [2]) между тенденциями *индивидуализма* (права и свободы отдельного человека) и *коммунитаризма* (права и законы сообщества); сходством и разнообразием жизненных практик; индивидуальными правами и принципом универсального равенства; моно- и мультикультурализмом. Так, Л.Анолли предлагает, отказавшись от эмического (внутреннего) или этического (внешнего) взгляда на культуру, занять бинокулярную позицию, согласно которой «культура находится вне и внутри психики одновременно» [Анолли, 2016, с. 37]. Культура, коммуникации, деятельность, социальные практики и т.п. есть одновременно и внешняя, и внутренняя реальность. С этих позиций культуральные практики могут быть рассмотрены как разворачивание деятельности в меняющихся контекстах, ее изворотливое протекание в ситуативности повседневной жизни [Там же. С. 46].

В настоящее время общенаучный инструментарий человековедения пополнился методологической стратегией *перевода* и этнографическим методом. Будучи применен в локальных познавательных ситуациях, последний раскрывает возможности этнографии как «насыщенного описания» (К.Гирц); как «клинического метода, который позволяет исследователю, заинтересованному в изучении далеких и чужих для него культур, принять точку зрения аборигена» [Анолли, 2016, с. 32]; а также в качестве «этнографии отдельного случая (*индивидуализированной этнографии*)», служащей «определению и иллюстрации способов, которыми люди конструируют собственную историю» [Там же. С. 420]; и т.д. При этом основная задача этнографического метода – сделать видимым то, что в культуре скрыто или считается само собой разумеющимся. Одновременно с этим между культурами и субкультурами неизбежен категориальный перевод. «Переводить – значит иметь возможность понимать другую форму жизни и другую интерпретацию человеческого опыта» [Там же. С. 33]. Игнорирование такого рода категориального перевода имеет своим следствием как узко прикладные, так и глобальные политические проблемы [3]. Одновременно в научном дискурсе конца XX в. возникла устойчивая тенденция обсуждения кризиса идентичности (подробнее см.: [Федотова, 2013, с. 53]).

Экспансия этнографического метода в сферы социогуманитарного познания связана с его высокой эффективностью в решении сложных задач анализа, не только рационально учитывающего, но и интуитивно выхватывающего и интегрирующего множество разных факторов и переменных. С его помощью было выявлено, что деление, например, на аристократическую и народную, элитарную и массовую культуры не является спецификой российского общества (пресловутый раскол, привычно объясняющий сегодняшние проблемы идентичности), но частью всеобщего исторического процесса социокультурной дифференциации его подструктур. Следует также отметить, что наряду с измерением Восток – Запад в проблеме изучения российской идентичности Д.С.Лихачев добавил координаты Север – Юг (соответственно, историческая ориентация на

Новгород или на Киев), введя термин «Скандовизантия» [4]. Несмотря на недостаточную разработанность, предложенная схема анализа вносит существенный вклад в усложнение режимов видимости обсуждаемой проблемы и научного дискурса в целом.

В анализе социокультурного пространства также принято выделять более или менее стабильное ядро культуры и лабильную периферию. А.Ю.Микитинец и О.И.Микитинец обращают внимание на различные механизмы трансляции опыта и информации в пределах культуры либо субкультуры: *если культура передается через сложившиеся системы воспитания, религиозные и образовательные институты, то субкультуры представлены на социально-психологическом уровне коммуникаций, в горизонтальной плоскости и предлагают своего рода альтернативы устойчивым формам культуры, служа пространством вариативной социализации для разных членов общества* [Микитинец, Микитинец, 2014]. Важным психологическим следствием этих процессов является тот факт, что человек имеет возможность поддерживать свою персональную идентичность посредством выбора практически тождественной социальной идентичности или же, напротив, выходить за пределы зоны комфорта в пространство желаемого развития.

В то время как на передний план анализа выходили проблемы трансформации мира человека и текущих социокультурных изменений, большую роль в методологии стали играть конструктивистские подходы. Идентичность в фокусе этих подходов самостоятельно ищется, выбирается среди множества социокультурных образов, творится из подручного материала, изобретается в меру имеющегося воображения и творческого вклада. Однако наряду с конструктивистской методологией важную роль в антиномийной дифференциации современного эпистемологического ландшафта играет *динамический ситуативизм*. В культуральных исследованиях он проявляется в том, что изменения контекста производят разные следствия: «влияние культуры на людей может акцентироваться, ослабляться или принимать иную форму» [Анолли, 2016, с. 51]. Культура здесь превращается в пространство возможностей и альтернатив, которые высоковероятны в одной ситуации, при определенном повороте событий, однако практически невозможны в другой. Такой подход также соответствует представлениям о *мультикультуральности* человеческой психики, способной присваивать модели множества культур и реализовывать их в процессе взаимодействия с различными собеседниками. Так, мексиканские школьники в США в домашней повседневности «разговаривают по-испански и соблюдают мексиканские правила поведения», тогда как в школе общаются по-английски и «ведут себя как американцы» [Анолли, 2016, с. 431]. Подобного рода поведенческие стратегии хорошо заметны в приведенном примере, но ускользают из поля внимания там, где нет столь очевидной дифференциации субкультур. В зависимости от ситуации люди меняют как культуральные модели, так и типы идентичности, тем не менее проблематичной остается неотрефлексированность этого многообразия культуральных моделей, репертуара поведенческих и когнитивных стратегий как для исследователей, так и для самого субъекта.

В 1969 г. Т.Роззак ввел понятие контркультуры, которое позволяло оттенить именно моменты переоценки ценностей и оппозиционности субкультур по отношению к официальной культуре [Рошак, 2014]. Его книга «Истоки контркультуры» позволяла осмыслить социокультурные трансформации, вызванные массовыми молодежными выступлениями 1968 года. В ретроспективном анализе видно, что она появилась в результате осознания неоднородности социокультурного пространства, обнаружения латентных культуральных тенденций, которые становятся видимыми, лишь прорвавшись на историческую сцену, а также в ситуации сформировавшихся кризисов и трансформаций. В дальнейшем «смысловое поле данного понятия расширилось, и контркультура стала пониматься не только как культура западной бунтующей молодежи, но и всякая культурная традиция, противопоставляющая себя господствующим нормам и культурным универсалиям» [Микитинец, Микитинец, 2014, с. 114].

Современное общество – прежде всего транзитивное и сложное общество. Однако лишь с позиции трансдисциплинарного анализа в поле видимости попадает взаимосвязь: чем сложнее организовано общество, тем выше в нем разброс идентичностей, разнообразие субкультур и оппозиционных

движений, а также качество повседневной жизни. «Общество добивается успеха и может выжить не тогда, когда его участники придерживаются одного и того же взгляда на мир, а когда их различия признаются и преодолеваются с помощью сосуществования различных точек зрения» [Анолли, 2016, с. 52]. Помимо этого, протестные движения в постиндустриальном обществе чаще всего представлены в незаметных, а потому избегающих попадания в поле видимости и официального контроля формах. Если в индустриальную эпоху преобладающей формой протеста являлся уличный протест, массовые митинги и забастовки, то постиндустриальной культуре свойственен «мягкий», умеренный латентный протест – теневой, символический, виртуальный (лайки, дизлайки, сообщения, просмотры, петиции и т.п.) [5]; легалистский (опирающийся на правовые практики); также происходит осмысление новых форм протеста [Архипова, 2018; Старые и новые..., 2018]. Эта социокультурная динамика, содержащая множество скрытых течений, противоречивых, разнонаправленных и быстро сменяющихся трендов, служит значимым контекстом для поддержки разнообразия идентичности.

Идентичность: в диапазоне трансдисциплинарности, разнообразия и неустойчивости

Идентичность становится ключевой категорией на рубеже XX–XXI вв., объединяя в научном дискурсе как изучение трансформирующегося социокультурного пространства, так и разнообразные жизненные стратегии, возникающие в изменяющемся мире. В обсуждении проблемы идентичности в транзитивном обществе появляются новые термины и метафорические конструкты: «космополитическая идентичность», «транснациональная идентичность», «колеблющаяся идентичность», «ускользающая идентичность», «диффузная идентичность» и т.д. В структуре идентичности выделяют также легитимизирующую, оппозиционную и проективную идентичности [Федотова, 2012]. Познавательная ситуация, в которой на методологическом уровне анализа понятие «идентичность» служит интегратором трансдисциплинарных полей знания, а в жизненной практике формирует так называемую *политику идентичности*, заставляет пересматривать довольно широкий диапазон проблематики трансформирующегося мира (от социальной справедливости до искусственного интеллекта), а в режимы видимости аналитиков входят представления о значимости и роли на исторической сцене активного меньшинства, локальных и маргинальных течений культуры. Теория самоорганизации, в контексте которой существенную роль играют слабые сигналы и малые воздействия; микроаналитическая оптика в исторических и антропологических исследованиях – все это разные методологические проекции глобальных трансформаций, где идентичность становится понятием, наводящим мосты от универсального к уникальному, от макропсихологического к микропсихологическому. «Понятие идентичности распространилось на все уровни – микро (индивид), средний (малая социальная группа), макро (большие социальные группы – раса, этнос, нация, религиозная общность, класс, гендер), мега (культура, цивилизация, страна)» [Федотова, 2013, с. 53]. Наряду с вышесказанным в практическом плане конструкт идентичности служит «когнитивным средством смягчения конфликтов, уменьшения их антагонистического статуса» [Там же. С. 58]; стабильные идентичности с непреложными социальными барьерами (род, раса, нация, этнос, гражданство) в исторической перспективе становятся все более лабильными, расплывчатыми и изменяемыми («жизненные стили», «потребительские предпочтения») [Там же].

Являясь устойчивым образованием и основанием укорененности человека в мире, идентичность именно за счет своей многослойности и парадоксальной лабильности (активизации латентных культуральных практик) позволяет современному субъекту вписаться в поток перемен. Она в разной степени рефлексивируется ее носителями, но «подразумевает усвоение и трансляцию во времени и в пространстве определенной картины мира, предполагающей особую категоризацию действительности, набор эмоционально-ценностных реакций и поведенческих практик» [Дзякович, 2011, с. 16].

Е.В.Дзякович обращает внимание на смысловую нечеткость понятия «идентичность», которое используется не только в конкретно-терминологическом или общекультурном значении, но и в качестве метафорического конструкта (а также приобретает «мифологизированную окрашенность»). «Понятие "идентичность" в настоящее время является одним из весьма востребованных современным гуманитарным знанием. Первоначально возникнув в рамках психологии личности, затем, в социальной психологии, оно стало означать результат идентификации человека или группы с какой-либо социальной общностью» [Дзякович, 2011]. Вместе с тем *из фокуса исследовательского внимания зачастую ускользают изменения, происходящие с территориальной идентичностью* (а именно – на микрорегиональном или кроссрегиональном уровнях анализа социокультурной реальности), тогда как именно эти изменения могут в силу своей латентности оказаться не только значимыми, но и нести непредсказуемые последствия, если не учитывать их в общей картине динамики. Тем не менее в российской интеллектуальной традиции значительно лучше разработаны проблемы этнической и этноконфессиональной идентичности, нежели идентичности региональной и локальной. Более того, как показывает Е.В.Дзякович, в научных публикациях недостаточно осмыслена грань «между понятиями региональной идентичности и локальной, местной идентичности; зачастую мы сталкиваемся с синонимией этих терминов, их параллельным употреблением, смысловой нечеткостью их употребления» [Дзякович, 2011, с. 4]. В современном российском обществе региональная и локальная идентичности представлены в разнообразии взаимоотношений: «от полного социоментального совпадения до серьезного социокультурного и социоментального антагонизма, включая целый ряд промежуточных стадий». «Недостаточно изученным представляется и социокультурный потенциал локальных идентичностей; факторы, способствующие возникновению, формированию, развитию и конструированию на территории той или иной местности собственной локальной идентичности, а также факторы, выполняющие деконструирующую, разрушительную для данного социокультурного феномена роль» [Там же].

Наряду с лабильностью «баланса идентичности» (например, соотношением в ее структуре разных компонентов: «социальная» и «персональная», «национальная», «этническая», «региональная») имеет место определенная специфика развития хронотопа – отечественной истории и географии – социокультурного пространства, где «местная самоидентификация» не только включает (отрефлексированные и неотрефлексированные) слои различных культурно-исторических эпох, но и вынуждена вписываться в сложную картину «официальных» и «неофициальных» культуральных течений. В этом смысле изучение феноменологии локальных идентичностей способствует обнаружению более общих «тенденций и направлений динамики развития современного российского социума» [Там же].

Актуальной методологической схемой для анализа такого рода процессов является антиномия *глобализации* (оптики транснациональной взаимосвязи происходящих в масштабе планеты процессов) и *глокализации* (фокусирования на особенностях региональных и локальных движений). В свою очередь, как глобальная, так и локальные культуры содержат в себе противоречивые тренды: центристремительного единства и центробежного разнообразия; интеграции и дифференциации; гомогенизации и гетерогении. Метод мышления посредством антиномий подразумевает здесь распределение внимания и осцилляцию между локальным и глобальным. Так, в исследовании Е.В.Дзякович в качестве основы для формирования региональной идентичности рассматривалось текущее коммуникативное пространство (доступные средства коммуникации, локальные сообщества, межличностные контакты) [Дзякович, 2011]. В ходе исследования был выявлен феномен локальной идентичности, которая может не совпадать с официальными границами региона, тем не менее «четко фиксируется местным населением на рациональном, эмоциональном и поведенческом уровнях» [Там же. С. 9]. Следует отметить, что подобного рода работы не часто попадают в поле видения психологии, между тем именно в них содержится недостающее звено, позволяющее учитывать в интерпретации полученных психологами данных контекстуальную сложность множества локальных и вариативных культуральных контекстов.

В транзитивном обществе идентичность больше не является судьбой ни для отдельной личности, ни

для целого народа. Более того, она выбирается из множества разных и противоречивых возможностей. «Контекстуальность становится принципиально важным методологическим основанием концептуализации идентичности», точнее, идентичностей [Семененко, 2013, с. 186]. «Эмпирическое разнообразие мира, "ускорение" времени и "сжатие" пространства как неотъемлемые черты современности формируют тот контекст "текущей современности" (в соответствии с известной метафорой З.Баумана), в котором "произрастают" множественные идентичности. Они определяют смысложизненный выбор индивидов и мотивируют индивидуальное и коллективное поведение» [Там же]. Если усложнение и дифференциация социальной реальности способствуют осмыслению локальных идентичностей, то глобализация фокусирует в поле видимости кризис идентичности, ее противоречивость, неустойчивость и скрытый конфликт, приводящий, в свою очередь, к появлению новых форм идентичности [Федотова, 2012].

Согласно И.С.Семененко, «категория идентичности позволяет соединить индивидуальный и надиндивидуальный (в рамках групп, малых и больших сообществ) срезы сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексию их носителей» [Семененко, 2013, с. 186]. Таким образом, в обсуждении проблемы идентичности постепенно складывается традиция ухода от одномерных проекций к многомерным интерпретациям. Значимые практические последствия имеет тот факт, что «в публичном дискурсе появилась концепция многоуровневого гражданства: она исходит из отрицания за государством и его институтами права быть единственными ориентирами гражданской идентичности» [Там же]. Вариативные идентичности формируются в поле взаимодействий, простирающемся от местных референтных сообществ, диаспоры, региональной и территориальной принадлежности до виртуального пространства возможных коммуникаций, политических, интеллектуальных и экспертных групп интересов. В свою очередь, такая поликонтекстуальная и разнослойная динамика идентичности производит требующую дальнейшего изучения феноменологию *полисубъектности* и *мультикультуральности*.

Заключение

Наблюдающийся в ходе трансформаций современного познания трансдисциплинарный поворот ведет к расширению познавательного поля психологической науки. Этнографический метод стал здесь общенаучным инструментом социогуманитарных наук, распространившись от изучения традиционных культур на феномены современной культуры. Также существенную роль в изучении идентичности современного человека играют культуральные исследования и осмысление новых интеллектуальных движений, как в сфере философии и искусства, так и вне четкой дисциплинарной принадлежности, на стыке разных наук. В социокультурной перспективе такого анализа культура рассматривается как сеть, а в историко-генетической – как изменчивый поток, состоящий из множества разных и противоречивых течений.

В ракурсе собственно психологического анализа категория «идентичность» не только амбивалентна и многозначна, но и претерпевает изменения уже в непосредственном исследовательском контексте. Если относительно недавно это понятие обозначало психологическое единство человека и его тождество с самим собой, то в наши дни едва ли не нормативным становится представление о множественности, разнообразии, вариативности и текучести идентичности наших современников. Продолжая обозначать целостность и тождество психического мира человека, идентичность в своем развитии демонстрирует противоречивость и изменчивость. В этой связи изучение идентичности продуктивно вести с опорой на методологию латентных изменений и антиномий, что способствует исследованию сложных и трансформирующихся культурно-психологических реальностей в потоках их естественного смешивания и взаимодействия.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,

проект 17-06-00077-ОГН\18 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Литература

Анолли Л. Психология культуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2016.

Архипова А.С. (Ред.). «Мы не немцы»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов. Тарту: ЭЛМ, 2014.

Борисова О.А. Ускользящая идентичность или анализ категории «идентичность» в рамках структурно-конструктивистского подхода. Вестник Удмуртского университета, 2006, No. 3, 141–146.

Гусельцева М.С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей. Психологические исследования, 2017, 10(54), 5, <http://psystudy.ru>

Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Москва, 2011.

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Как интернет изменил протест и почему «митинг-сообщение» важнее «митинга-события». Такие дела, 2018, <https://takiedela.ru/news/2018/03/06/kak-internet-izmenil-protest/>

Крастев И. Россия и Запад: зеркала непониманий. InLiberty, 2018. <http://www.inliberty.ru/magazine/issue1/#krastev>

Лихачев Д.С. Культура как целостная среда. Новый мир, 1994, No. 8. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/8/lihach-pr.html

Микитинец А.Ю., Микитинец О.И. Культурно-антропологический анализ генезиса субкультур. Культура народов Причерноморья, 2014, 2(278), 112–116.

Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикш, 2018.

Рошак Т. Истоки контркультуры. М.: АСТ, 2014.

Семененко И.С. Изучение идентичности и контексты ее формирования. Вопросы философии, 2013, No. 5, 185–187.

Старые и новые формы протеста. Сахаровский центр, 2018. <https://www.youtube.com/watch?v=XRjO7GPZj4Y>

Федотова Н.Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культурная революция, 2012.

Федотова Н.Н. Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики. Знание. Понимание. Умение, 2013, No. 2, 52–62.

Харрисон Л., Хантингтон С. [Harrison L., Huntington S.] (Ред.). Культура имеет значение. Каким

образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

Hebdige D. Subculture: The meaning of style. New York, NY: Routledge, 1981.

Riesman D., Glazer N., Denney R. The lonely crowd: a study of the changing American character. New Haven; London: Yale University Press, 2001 (reprint: originally published in 1950).

Примечания

[1] При этом Л.Анолли обращает внимание на сложность осмысления концепта культуры: «Мы, как рыбы в воде, не предрасположены "видеть" культуру, потому что это среда, в которой мы живем. Это *невидимая среда*, в которую ... погружен каждый из нас. ... Это *прозрачная реальность*, поскольку мы смотрим на мир и на все происходящее сквозь нее ... Мы не отдаем себе отчета в том, что ... смотрим на мир, принимая определенную позицию и *специфическую точку зрения*, которой и является наша культура» [Анолли, 2016, с. 19–20].

[2] Осцилляция – основной прием совмещения противоположных позиций, предложенный в контексте метамодернизма.

[3] «Важнейшая проблема взаимоотношений России и Запада – радикально различные представления сторон о себе и друг о друге» [Крастев, 2018].

[4] «Для России, да и для Европы (Испании, Сербии, Италии, Венгрии), гораздо большее значение имело противостояние Юга и Севера, чем Востока и Запада. С юга, из Византии и Болгарии, пришла на Русь духовная европейская культура, а с севера другая языческая дружинно-княжеская военная культура – Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, нежели Евразией» [Лихачев, 1994].

[5] «Митинг как сообщение в мире глобальных коммуникаций становится гораздо важнее, чем митинг как событие» [Как интернет изменил протест..., 2018]. «Наиболее яркая, категоричная форма протеста – это бунты и революции. Но пока уровень недовольства в обществе не стал критическим, оно выражается с помощью *hidden messages* – скрытых сообщений, завуалированных или анонимных форм передачи информации» [Там же].

Поступила в редакцию 15 января 2018 г. Дата публикации: 14 апреля 2018 г.

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна. Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; старший научный сотрудник, лаборатория психологии личности, Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10А, 105005 Москва, Россия; главный научный сотрудник, Федеральный институт развития образования, ул. Черняховского, д. 9–1, 125319 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0545-0612

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений.

Психологические исследования, 2018, 11(58), 2. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1547-guseltseva58.html>

[К началу страницы >>](#)